

— Мечь — это дело чести и долга, так почему ты больше не хочешь убить нашего патриарха?

— С тараканом, который не умирает, что тут поделаешь!

— Хе-хе, упрямисься, да? — Чи Юэ наклонился и начал бесцеремонно кусаться, отчего его собеседник тут же смягчился.

Тёплые губы и зубы безжалостно атаковали, кусая округлый подбородок, а затем остановились на гладкой и нежной шее. Этот противный язык намеренно лизнул рану на его шее, и вскоре Янь Були почувствовал одновременно боль и щекотку, отчего его тело задрожало, а дыхание сбилось.

— Супруга, ты не думаешь, что пора заняться чем-то важным? — Чи Юэ, облизывая шею, переместился на бок и взял в рот маленькую мочку уха.

Янь Були покраснел до предела, смущение переполняло его. Он опустил голову, словно молодая невеста в первую брачную ночь, и заикаясь спросил:

— Ч-что... важное?

Чи Юэ тихо подул ему в ухо:

— Как думаешь?

— Но... я сейчас... с ребёнком...

— Именно поэтому это важно.

— А? — Янь Були почувствовал, что что-то не так. — О чём ты вообще говоришь?

— Ну, конечно же, о еде! — Чи Юэ снова схватил его за плечи и быстро развернул к столу. — Иначе она остынет...

*

«Один свиток книги, десять лет разлуки, дела человеческие мимолётны. Когда-то мы скакали бок о бок, любуясь весенним цветением. Сколько было молодых друзей, вместе гуляли, пили вино и наслаждались любовью. А теперь смотрим на закат, идя по дороге домой, и снова летят красные лепестки».

*

Зимняя долина, холодный металл, мрачная темница — ни весеннего цветения, ни заката с

лепестками. Лишь голос, распеваящий песню, словно призрак, разносился в глубинах мрачного подземелья.

Тюремщик, шедший с фонарём по коридору, услышав голос, вздрогнул и сказал врачу в простой одежде с синим платком и аптечкой через плечо:

— В последнее время этот безумец стал более... культурным.

— Наверное, он скоро выздоровеет, — улыбнулся Линь Цзыюй. — Кстати, не забудь добавить ароматические вещества в масло для лампы, это помогает от безумия.

— Хорошо, я сейчас скажу, чтобы зажгли.

Хуа Усинь, держа в зубах сухую травинку, сидел в углу, поджав ногу, и, увидев Линь Цзыюя, приподнялся:

— Что вкусненького сегодня?

— Пельмени с тремя начинками, куриные лапки в соусе, побеги бамбука с кунжутным маслом... — тот, словно фокусник, вытащил из коробки несколько блюд, а затем достал из рукава кожаный мешок с вином.

Хуа Усинь сначала загорелся глазами, но потом вдруг потух:

— Это последний ужин? Меня наконец-то казнят?

— Пф, ты слишком много думаешь. Просто скоро праздник, вот и приготовил побольше.

— Цз, зять, ты действительно заботливый, — с этими словами он вытащил пробку и почувствовал густой, опьяняющий аромат. — Лофучунь!

Линь Чжэнсюань почесал голову:

— Знаю, ты с юга, привык к жёлтому вину. Но наш патриарх любит добавлять в вино лекарственные травы, так что оно крепче...

— Крепкое — это хорошо! Мы, дети рек и озёр, рыцари духа, должны пить самое крепкое вино, скакать на самых быстрых лошадях и... кхм, я попробую... — Хуа Усинь с удовольствием сделал глоток и воскликнул:

— Одна чаша Лофучуня, далёкий подарок для собирающего травы,

Зная, что ты один напился, лежишь под сосной и камнем.

Невидимый отшельник,

Тихий свист слышен в лунную ночь,

Шучу с жителями хижины,

Исчезаю без следа.

— Хуа, у тебя настоящий талант к поэзии, наверное, ты из семьи учёных?

— Эх, мои предки действительно служили при дворе, но сердце императора непредсказуемо, а чиновничья жизнь полна опасностей. Сегодня ты на вершине, а завтра тебя смывает волной, — Хуа Усинь горько усмехнулся.

— С твоей семьёй... что-то случилось?

— Мой отец достиг высокого положения, но был оклеветан негодяями, и всю нашу семью конфисковали. Все старше шестнадцати лет были казнены. Меня, как младшего, отправили в низшее сословие, и я выживал в училище музыки, — Хуа Усинь с гордостью поправил свою одежду. — Вот где я научился переодеваться в женщин.

— ...Но это действительно ужасно выглядит.

— ...

Линь Чжэнсюань наклонил голову:

— Как ты стал главой Терема Всезнания?

— Ребёнок без матери, долгая история... — Хуа Усинь никогда не рассказывал о своём прошлом, но сегодня почему-то захотел. Возможно, его история была более насыщенной, чем эти закуски.

Его настоящая фамилия — Хуа, имя — Синь. С детства он много читал, происходил из семьи чиновников. Имя «Хуа Усинь» дала ему тётка из училища музыки, и оно звучало лучше, чем всякие «кошки» и «собаки», так он и остался с ним.

В том месте, где жизнь ценилась дёшево, имя не имело значения.

В двенадцать лет он попал в училище музыки, в тринадцать — в дом мальчиков, в четырнадцать — принял первого клиента.

Тот чиновник был военным второго ранга, жестоким и с пристрастием к мальчикам, особенно переодетым в девочек. Хуа Усинь покрасился, как ведьма, но это не спасло его.

Тогда он был маленьким, худым и слабым. Его прижали к кровати, и он не мог пошевелиться. Несколько попыток сопротивления обернулись горячими пощёчинами, и он чуть не потерял сознание. Но Хуа Усинь ненавидел, что его не вырубил, ведь тогда бы он не пережил унижения.

Грубые руки и вонючая слюна мужчины вызвали отвращение. Когда его ноги раздвинули, он почувствовал, что мир рушится.

Он закрыл глаза в отчаянии, но вдруг услышал стон. Открыв глаза, он увидел, что лицо мужчины исказилось, а на шее появилась ровная красная линия. Голова покатила на бок, упала на пол, а кровь хлынула, как безумный источник, заливая его лицо.

Не то чтобы он был в ужасе, но Хуа Усинь не закричал и не заплакал. Он лишь с отвращением оттолкнул тело в сторону. Протерев лицо, он увидел, что за кроватью стоит замаскированный мечник. Чёрный, как ночь, клинок, как иней, с которого капала кровь. Капля за каплей, попадая в сердце.

Это был первый раз, когда он увидел Фан Дэ.

Охотник из Альянса наёмников никогда бы не взял с собой обузу, но Фан Дэ был вынужден терпеть эту «девочку», ведь, по словам Хуа Усиня, он разрушил его будущее и увидел его тело, так что должен был взять на себя ответственность.

Фан Дэ взглянул на эту худенькую девчонку без груди и зада и почувствовал, что проиграл.

Ладно, пусть будет учеником, помощником, уборщиком, поваром и красивым лицом.

Хуа Усинь был талантлив и трудолюбив. Хотя он начал учиться боевым искусствам позже других, прогрессирует быстро. К восемнадцати годам он мог уже победить половину городских хулиганов.

Вторую половину он сделал своими подчинёнными.

К тому времени он уже не мог скрывать свой пол и свои предпочтения.

Так что он выбрал тёплый весенний день, чтобы признаться в любви, а затем тёмную ночь, чтобы соблазнить.

Чёрт возьми, ученица превратилась в мужчину-хулигана, который перевернул всё с ног на голову и съел своего учителя. Фан Дэ чувствовал, что проиграл на всех фронтах. Он прикрыл свою задницу и пнул неблагодарного ученика, который упал прямо на голову главе Терема Всезнания.

Несчастный глава умер на месте.

Хуа Усинь тоже потерял сознание, полуголый лёжа на теле главы, а на следующее утро его окружила толпа зрителей.

Все осуждающе качали головами:

— Мир становится всё хуже, он даже мёртвых не щадит, какой позор.

Хуа Усинь: ...

Ученики Терема Всезнания также были в ярости:

— Хуа, ты, чёрт возьми, убил нашего главу!

Хуа Усинь:

— Я бы лучше собаку, чем вашего главу... [Фан Дэ в ярости: Кого ты назвал собакой?!]

— Нам всё равно, ты виноват в смерти главы, так что плати!

Хуа Усинь:

— Деньгами или жизнью?

— Верни нам главу! С сегодняшнего дня ты новый глава Терема Всезнания!

— ...

<http://bllate.org/book/15303/1352411>